

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ В МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД РАННЕСОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Б.В. Туаева

Исследовательский интерес к отечественной истории периода становления молодого советского государства актуализируется не только определенной схожестью современных проблем, но и тем, что это время ранее рассматривалось с позиции коммунистической идеологии. Сегодня же мы можем с новых методологических позиций подойти к изучению первых десятилетий советской власти – новой экономической политики, национального и культурного строительства, в том числе и на материалах регионов. Следует отметить, что в переходные времена обостряются противоречия между традиционным и инновационным, формируются адаптационные практики и гражданские инициативы, но также вырастает межпоколенческий конфликт. Именно подрастающее поколение 1920-х – 1930-х гг. стало той основой, которое определило дальнейшее развитие советского человека и общества. Изучение государственного строительства в период национально-культурной модернизации северокавказского региона представляется актуальным и в свете формирования молодежной повестки рассматриваемого периода. В настоящей статье рассматриваются особенности реализации раннесоветских реформ на Северном Кавказе. Представлен анализ процессов национально-культурного строительства в регионе, показана специфика молодежной и образовательной политики через представительские органы т.н. нацменьшинств. На основе архивных данных приводятся статистические и аналитические выборки по формированию и развитию социокультурной сферы нового общества. Проведенный анализ официальных документов партийных структур, секций и Бюро нацмен позволили сделать вывод о многоаспектной деятельности по формированию и воспитанию в «общественно-политическом духе» советского человека. Принципы историзма и системности научного анализа позволили на основе привлеченного материала наглядно продемонстрировать причины, сложности и достижения при реализации мероприятий по ликвидации безграмотности, созданию сети национальных школ, формированию слоя квалифицированных кадров и национальной интеллигенции.

Ключевые слова: Северный Кавказ, раннесоветская модернизация, национальное и культурное строительство, новая экономическая политика, молодежь, образование и просвещение, региональный опыт.

Для цитирования: Туаева Б.В. Национальный и образовательный аспекты в молодежной политике на Северном Кавказе в период раннесоветской модернизации // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 58 (97). С.68-74. DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.006

Поступила в редколлегию: 5.10.2025 г.

Сегодня в период трансформации российского общества, противостояния внешним вызовам и угрозам, вновь актуализируется исследовательский интерес к эпохе советских реформ 1920-х – 1930-х гг., именуемой «раннесоветской модернизацией», как периоду формирования новых экономических, общественно-политических и этнокультурных основ нового социалистического государства. Изучению этого периода посвящено значительное количество научных работ, затрагивающих важные аспекты строительства государства нового типа и формации [1-10]. В становлении советского государства особое место отводилось молодому поколению, так как участие в гражданской войне и последующее постреволюционное переустройство нуждалось в социальной опоре и новом взгляде на жизнь. Объективные и субъективные причины включения молодежи в процессы строительства раннесоветского социалистического общества были обусловлены традиционным ее активным социально-политическим участием. На Северном Кавказе на эти процессы накладывались факторы полиэтничности и поликонфессиональности.

Так, при обследовании национальных областей в 1928 г. подчеркивалось, что «край является одним из многонациональных районов РСФСР. На территории Северного Кавказа находятся 7 автономных национальных областей и несколько десятков национальных меньшинств. Основную массу нацмен на Северном Кавказе представляют украинцы, их всего в крае свыше 3 100 000 чел., затем армяне – 162 тыс., немцы – 93 000, греки – 32 000, евреи – 14 тыс., татары и ногайцы – 29 000, и ряд других народностей. Всего в крае национальных меньшинств насчитывается 3 706 000 чел., что составляет 44,2% к общему числу всего населения края. Поэтому работа среди национальных меньшинств на Северном Кавказе имеет особо важное значение» [11, 29].

Северокавказский регион, впрочем, как и вся страна, остро нуждалась в образованных и квалифицированных кадрах. Поэтому основной упор был сделан на молодых. Ликвидация безграмотности, формирование системы школьного и профессионального образования, развитие науки и просвещение широких масс одновременно должны были реализовываться с задачами по индустриализации и культурному строительству. Молодые люди комсомольского возраста от 15 до 26 лет в постреволюционной России составляли треть населения, что в абсолютных числах это представляло более 40 млн человек [9, 324]. Как подчеркивают современные исследователи, поколение 1920-1930-х гг. «мечтало о современном, индустриальном обществе и стремилось достичь этой цели. Ломка отсталого уклада жизни страны была по душе молодым горячим головам. Юноши и девушки охотно откликались на призывы: «Догнать и перегнать», «Ускорить!», «Уничтожить», «Одолеть трудности!». Молодые, сильные, они с энтузиазмом стремились преодолеть многовековую отсталость России за несколько десятилетий, приносили себя в жертву. Молодежь 20-30-х была одной из главных опор сталинского курса на форсированную индустриализацию, коллективизацию, культурное строительство» [9, 324]. Конечная цель, которую преследовала большевистская доктрина, – коммунистическое общество с новой идеологией, социальной структурой и укладом жизни – ставила перед необходимостью первоочередного создания ее экономической основы, «иными словами, стояла задача ускоренного развития, по сути, скачка через формацию» [3, 185].

Просвещение, поголовная грамотность, образование и подготовка кадров требовали массированных масштабных усилий. Как фиксировали официальные документы, реализация поставленных задач в кратчайшие сроки осложнялась рядом факторов. Так, отмечалось, что на Северном Кавказе работа, направленная на культурное развитие автономных областей и национальных меньшинств, протекала при неблагоприятных условиях: пестрота национального состава, экономики, быта и культуры в национальных областях; отсутствие у многих горских народов письменности и достаточного слоя квалифицированных работников; скудное состояние краевого бюджета при полной дефицитности бюджета национальных областей и многое др. [11, 35]

Однако за короткий период 1920-х гг. были достигнуты и значительные результаты, которые легли в основу последующих десятилетий динамичного развития советского общества. Статистические данные по Северному Кавказу наглядно показывали, что охват детей школьного возраста за 4 года возрастал: в национальных областях в 1924-1925 гг. – 15,2%; в 1925-1926 гг. – 24,9%; 1926-1927 гг. – 27,6%; 1927-1928 гг. – 35,9%. По краю за те же годы рост был – 35,9%; 46,9%; 56,4%; 56,3%. Грамотность среди взрослого населения по национальным областям – 25%, по краю – 54% [11, 36].

В экспертной оценке отмечалось, что в северокавказском регионе в области просвещения достижениями можно было считать следующее: «а) расширение сети культурных учреждений нацмен (в 1924-1925 гг. всех школ нацмен 1-й ступени было 4956 с количеством педперсонала 1 111 чел., с количеством учащихся 46 131 чел.; школ 2-й ступени: педперсонала в них – 106 чел., количество обещающихся 2 817 чел., 5 детдомов).

В 1925-1926 гг. всех школ нацмен было 634, с количеством педперсонала 1 337 чел., с количеством учащихся 59 121 чел. Количество школ 2-й ступени – 24 (педперсонала – 116 чел., количество обучающихся 2 870 чел.), 3 детдома, 1 отделение Рабфака, 2 педтехникума, 1 отделение педтехникума.

В 1926-1927 гг. всех школ нацмен 1-й ступени было 658, с количеством педперсонала 1 540 чел., с количеством учащихся 68 161 чел.; школ 2-й ступени – 18 (педперсонала –

167 чел., количество обучающихся 3 470 чел.), детдомов – 6, 1 отделение Рабфака – 1, педтехникумов – 2, отделение педтехникума – 1.

б) частичное снабжение культучреждений учебниками, учебными пособиями и нацлитературой» [11, 35-36].

Комплексная комиссия ЦИК и ВЦИК ВКП(б), созданная по вопросам состояния работы среди нацменьшинств в Северо-Кавказском Крае также отмечала, что для полноты картины к 1928 г. дело просвещения пока «специально глубоко и основательно не изучено в целях более конкретной помощи нацобластям и нацменьшинствам в области просвещения». При этом, партийные секции национальных меньшинств, созданные прежде всего для координации взаимоотношений между представителями этносов и «ведения политико-просветительской и партийно-воспитательной работы», свою деятельность направляли на решение многоаспектных задач: от ликвидации безграмотности до конкретной помощи в формировании слоя образованных квалифицированных кадров. В г. Владикавказе Северной Осетии политическая и просветительская работа среди нацменьшинств была сосредоточена главным образом в нацклубах и красных уголках, где на национальных языках проводились собрания, культурно-досуговые вечера, лекции, лотереи, ставились спектакли и пр. Статистические данные фиксировали в Чеченской и Ингушской автономных областях к 1928 г. функционирование 70 клубов, в том числе 6 клубов женщин-горянок. Открывались повсеместно и избы-читальни, в 1926 г. – 45; к 1931г. их насчитывалось – 113» [12, 91]. Но, при этом в регионах отмечали, что клубная работа, как и работа в избах-читальнях была недостаточно налажена в связи с отсутствием «руководителей и соответствующей литературы. Заметно большое стремление и инициатива со стороны населения по организации библиотек, изб-читален и школ грамоты. Особенно молодость стремится в школы грамоты, но ОНО за отсутствием средств не может увеличить. Учителство вовлечено в культпросвет. работу. Деревенская интеллигенция проявила большой интерес и инициативу в общественно работе» [13, 16].

Официальная переписка руководства Бюро нацмен Владикавказского окрпарткома с различными ведомствами и учреждениями показывает понимание и серьезность задач, с учетом острой нехватки финансовых и материальных средств. Так, в магазин «Ленгиза» ушел запрос о представлении каталога изданий национальной литературы, учебников для школ I ступени Ликбеза, политграмоты и плакатов (на армянском, грузинском, тагтарском, персидском и греческих языках) с просьбой сообщить условия приобретения с возможностью кредита или рассрочки [14, 42]. При этом обеспеченность минимальным количеством необходимой литературой существенно разнилась. Так, в 1926 г. в официальных записках отмечалось, что «у ряда нацменьшинств Северного Кавказа (украинцы, немцы и др.) уже имеется значительное количество литературы на родном языке, тогда как издательская работа по обслуживанию горского населения и наиболее культурно-отсталых нацменьшинств только начинает разворачиваться» [15, 101].

При реализации мероприятий по просвещению и образованию, предлагались конкретные меры и в крестьянской среде, в том числе для изучения читательских интересов горского крестьянства, «особенно важно использовать национальные части Красной Армии, которые ввиду наличия у них наиболее активной и развитой части горного населения и компактности читательского состава, предоставляют благоприятные условия для этой работы» [15, 102]. Данный вопрос в силу актуальности имел продолжение в виде официальных циркуляров всем окружным и областным Политпросветам Северного Кавказа. В осуществление поставленных задач в области изучения читательских интересов национального крестьянства, предлагалось провести «следующие мероприятия:

1) При всех облполитпросветах, а также и окрполитпросветах, обслуживающих значительное количество нацмен, создать специальные комиссии по изучению читательских интересов крестьян-националов в составе: Политпросвета, АПО/ПО печати (там, где они есть), О-во «Книга Деревне», Совпрофы.

2) В целях привлечения к этому вопросу общественного внимания, необходимо в местной прессе освещать работу по изучению читательских интересов национального крестьянства.

3) Привлечь к этой работе все культурные силы аулов и станиц (учителя, агронома, учащихся старших групп и т.д.).

4) В первую очередь развернуть данную работу в наиболее культурных районах нацобластей, где имеется больше культурных сил и более развитый читательский состав националов» [15, 102].

Кроме наполнения необходимым количеством национальной литературой библиотек, изб-читален городских и сельских поселений, ставился вопрос о ее качестве и доступности, так как содержание и язык должны были быть вполне доступны и в максимальной степени «приспособлены к специфическим национально-бытовым условиям».

Вопрос обеспечения был крайне острым еще несколько лет, о чем сообщалось в отчетах и планах Бюро нацмен Влодокрома ВКП(б), в частности подчеркивалось, что необходимо партотделу нацмен Северо-Кавказского Крайкома учесть в силу скудности бюджета города Владикавказ невозможность утверждения необходимых средств для решения насущных задач. Также продолжало оставаться сложным положение с нехваткой литературы и учебников для национальных школ. Несмотря на короткие сроки и трудности, можно было говорить и о достижениях. К 1925-1926 гг. было открыто школ ликвидации неграмотности среди нацменьшинств – 4, с охватом 120 чел., помимо обучающихся в других школах на русском языке. А при секциях были сформированы пионерские отряды, насчитывающие до 120 детей [16, 1].

Целью просветительских и культурно-досуговых мероприятий было не только приобщение к общесоветским ценностям, они выполняли и чисто утилитарную функцию. Заведующему Местхозом тов. Шилину в ноябре 1925г. поступил запрос о возможности предоставления «на льготных условиях в один из вечеров (кроме понедельника) помещения Гортеатра для постановки пьесы на тюркском языке. Весь сбор от которой поступает в пользу школы и клуба тюркской партсекции нацмен. Полагаем, что наша просьба будет удовлетворена ввиду острой нуждаемости в материальных средствах тюркской партсекции и невозможности получении таковых от местных организаций» [14, 53].

Участие молодежи в решении важнейших задач безусловно носило актуальный характер. Наиболее активная ее часть, вовлеченная в комсомольскую деятельность, должна была стать тем фундаментом, которая заложила бы основы для взращивания человека новой эпохи. Поэтому, на разных уровнях под патронатом партийцев задавались векторы в работе и общественной жизни.

В архивных фондах отложились протоколы созываемых расширенных заседаний Бюро нацмен Влодокрома ВКП(б), совместно с партийными и комсомольскими активами. На регулярной основе рассматривались вопросы по состоянию и очередным задачам деятельности среди нацмолодежи, заслушивались доклады политпросвета среди нацменьшинств, предлагались новые подходы и работа над недочетами. Из официальных документов следует, что вся работа среди молодежи была в основном сосредоточена в клубах нацменьшинств в юношеских секциях, ячейках ВЛКСМ. В 1926 г. фиксировалось общее число комсомольцев-нацмен около 600 чел., а «по количеству на первом месте стояли осетины, потом грузины и армяне», а «смешанные собрания нацмолодежи, совместная работа должны служить как методы сближения и спайки отдельных национальностей» [16, 93-94]. В то же время, участники собраний давали характеристики сложившимся событиям с разных точек зрения. Зафиксированы мнения, что «необходимо среди нацмолодежи выработать актив; партийные секции не могут нагружать студентов, так как они нагружены академической работой»; «комсомольцы-националы не могут работать в партсекциях потому, что не знают родного языка»; необходимо создать кружки при секциях на родном языке для подготовки актива; обязательно нужно выписывать литературу для молодежи и пр.» [16, 94]. Актуальными оставались мероприятия по широкому вовлечению рабоче-крестьянской молодежи, воспитание ее в «общественно-политическом духе», а наблюдавшееся явление нежелания комсомольцев-нацмен принимать участие в работе должно быть «изжито путем разъяснений как со стороны партсекций, так и со стороны ячейки ВЛКСМ о необходимости и важности этой работы», а также создания необходимых условий для заинтересованности. Председатель Бюро нацмен Влодокрома ВКП(б) тов. Гацоев справочно фиксировал, что постепенно межэтнические взаимоотношения стабилизируются, но остатки национальной

вражды частично коренятся, но явных проявлений не наблюдалось, а «нацменорганизации серьезно заняты окончательным разрешением данного вопроса», «группировок среди нацменьшинств Владикавказа не наблюдалось». Также отмечалось, что в вопросах «выращивания коммунистических и комсомольских кадров из местного населения, партсекциями принимается участие в смысле содействия и втягивания в ряды партии и комсомола трудящегося национального населения» [17, 39].

Процессы формирования и развития нового общества всегда сложны и многоаспектны. Коллективная повестка по вопросам национального строительства и молодежной политики в 1920-е годы вызывала живой интерес у общественников и партийцев. Их мнения и взгляды часто разнились, были избыточными, но постепенно вырабатывались и механизмы по достижению положительных результатов. Анализ архивных документов показывает, что все же было понимание, что строительство социалистического строя может идти более быстрыми темпами, если подтянуть «отсталые национальности» и создать условия, соответствующие «для развития каждой национальности» [15, 97].

Национально-культурное строительство на Северном Кавказе на протяжении 1920–1930-х гг. характеризовалось территориально-административным оформлением региональных субъектов, автономизацией и возникновением нового бюрократического аппарата из формирующейся национальной элиты. Политика коренизации означала вовлечение активных слов, особенно молодежи, в процессы ускоренного образования, подготовки квалифицированных кадров в разных областях, заложившие основы для появления местных элит с присущей им этнической спецификой. Национальные кадры, привлекаемые к управлению, должны были транслировать социалистические идеи, формировать новые мировоззренческие установки. В этот период происходит и создание национальной интеллигенции, в том числе научной, творческой, художественной. Ликвидация неграмотности, появление национальной письменности, развитие сети школ, профессиональных образовательных учреждений и вузов способствовали стремительному развитию социально-культурной и общественно-политической жизни. Молодежь новой формации инициировала новые формы и механизмы взаимодействия, стремилась к образованию и заполнению лакун в общественной, военно-патриотической и этнокультурной сфере.

---

1. *Дзагурова Н.Х.* Формы женской активности в Северной Осетии в 1920-1930-х гг. // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 56 (95). С. 52-59.

2. *Засеев Г.А.* Основные направления идеологической работы с молодежью Осетии в 1918-1924 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2023. № 3. С. 47-55.

3. Страна Советов: пространство, власть, экономика // Раннесоветское общество как социальный проект, 1917-1930-е гг.: в 2 ч. / Под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: УрФУ, 2018. Ч. 1. 468 с.

4. *Царикаев А.Т.* Проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг. в новейших документальных публикациях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (86). С. 188-191.

5. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.

6. *Синанов Б.А.* Антирелигиозное воспитание и формирование новой культуры молодежи Северной Осетии в 1920-1930-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 7 (15). С. 12-14.

7. *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

8. *Туаева Б.В.* Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2010. 237 с.

9. Стецура Ю.А. Молодежь 20-30-х гг. XX в. – основа постреволюционной модернизации СССР // Працы пстарычнага факультэта БДУ: Сб. научных трудов / Отв. ред. У.К. Коршук. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2009. Вып. 4. С. 322-328.
10. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 439 с.
11. Центральный государственный архив РСФСР-А (ЦГА РСФСР-А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 608а.
12. Дыхаев В.А. Деятельность партийных организаций Чечено-Ингушетии по осуществлению ленинской национальной политики в культурном строительстве (1920-1932 годы) // Из истории воплощения Ленинских идей в Чечено-Ингушетии: Сб. статей. Грозный, 1984. С. 88-97.
13. ЦГА РСФСР-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53.
14. ЦГА РСФСР-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14.
15. ЦГА РСФСР-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40.
16. ЦГА РСФСР-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 41.
17. ЦГА РСФСР-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39.

Tuaeva, Berta V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); ms.amaga@mail.ru

NATIONAL AND EDUCATIONAL ASPECTS IN YOUTH POLICY IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE EARLY SOVIET MODERNIZATION PERIOD.

Keywords: North Caucasus, early Soviet modernization, national and cultural construction, new economic policy, youth, education and enlightenment, regional experience.

Research interest in the national history of the early Soviet state is fueled not only by certain similarities with contemporary problems but also by the fact that this period was previously viewed from the perspective of communist ideology. Today, we can approach the study of the first decades of Soviet power – the New Economic Policy, national and cultural development – from new methodological perspectives, including using regional data. It should be noted that during times of transition, tensions between tradition and innovation intensify, adaptive practices and civic initiatives emerge, but intergenerational conflict also grows. It was the younger generation of the 1920s and 1930s that became the foundation for determining the further development of Soviet man and society. The study of state building during the period of national and cultural modernization in the North Caucasus is also relevant in light of the development of the youth agenda during this period. This article examines the implementation of early Soviet reforms in the North Caucasus. This article presents an analysis of national and cultural development processes in the region, highlighting the specifics of youth and educational policies implemented through the representative bodies of so-called national minorities. Archival data is used to provide statistical and analytical samples on the formation and development of the socio-cultural sphere of the new society. An analysis of official documents from party structures, sections, and the Bureau of National Minorities allows us to conclude that the multifaceted efforts to shape and educate the Soviet people in the “socio-political spirit” are at work. The principles of historicism and systematic scientific analysis allow us to use the materials for clearly demonstration the causes, challenges, and achievements of implementing measures to eradicate illiteracy, create a network of national schools, and develop a stratum of qualified personnel and a national intelligentsia.

For citation: Tuaeva, B.V. National and educational aspects in youth policy in the North Caucasus during the early Soviet modernization period // *Izvestiya SOIGSI*. 2025. Iss. 58 (97). Pp. 68-74. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.006

References

1. Dzagurova, N.Kh. *Formy zhenskoi aktivnosti v Severnoi Osetii v 1920-1930-kh gg.* [Forms of women's activism in North Ossetia in the 1920s and 1930s.]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2025, iss. 56 (95), pp. 52-59.

2. Zaseev, G.A. *Osnovnye napravleniya ideologicheskoy raboty s molodezh'yu Osetii v 1918-1924 gg.* [The main directions of ideological work with the youth of Ossetia in 1918-1924]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov]. 2023, iss. 3, pp. 47-55.
3. Mazur, L.N. (ed.). *Strana Sovetov: prostranstvo, vlast', ekonomika* [Soviet State: Territory, Government, and Economy]. *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyy proekt, 1917-1930-e gg.: v 2 ch.* [Early Soviet Society as a Social Project, 1917-1930s: in 2 parts]. Ekaterinburg, Ural Federal University, 2018, part 1. 468 p.
4. Tsarikaev, A.T. *Problemy natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze v 1920-1930-e gg. v noveishikh dokumental'nykh publikatsiyakh* [Problems of national state building in the North Caucasus in the 1920s and 1930s in the latest documentary publications]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. 2017. iss. 12-2 (86). pp. 188-191.
5. Rozhkov, A.Yu. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir mladogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [In the circle of peers: The life world of a young man in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 640 p.
6. Sinanov, B.A. *Antireligioznoe vospitanie i formirovanie novoy kul'tury molodezhi Severnoy Osetii v 1920-1930-e gg.* [Anti-religious education and the formation of a new culture of the youth of North Ossetia in the 1920s and 1930s]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2012. iss. 7 (15). pp. 12-14.
7. Krinko, E.F., Tazhidinova, I.G., Khlynina, T.P. *Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920-1940-h gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii* [The everyday world of the Soviet man of the 1920s and 1940s: life in conditions of social transformations]. Rostov-on-Don, Southern Scientific Centre of RAS, 2011. 360 p.
8. Tuaeva, B.V. *Lokal'naya istoriya: osobennosti kul'turnoy i obshchestvennoy zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX vekov* [Local History: features of the cultural and social life of the cities of the North Caucasus in the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 237 p.
9. Stetsura, Yu.A. *Molodezh' 20-30-kh gg. XX v. – osnova postrevolyutsionnoy modernizatsii SSSR* [Youth of the 20-30s of the XX century – the basis of the post-revolutionary modernization of the USSR]. *Pratsy pstatychnaga fakul'teta BDU* [Proceedings of the Faculty of History of the Belarusian State University]. Minsk, Belarusian State University, 2009, iss. 4, pp. 322-328.
10. Gimpelson, E.G. *NEP i sovetskaya politicheskaya sistema. 20-e gody.* [NEP and the Soviet political system. The 20s.]. Moscow, Institute of Russian History, 2000. 439 p.
11. *Tsentrally gosudarstvennyi arkhiv RSO-A (TsGA RSO-A)* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 1. Inventory 1. Case 608a.
12. Dykhaev, V.A. *Deyatel'nost' partiinykh organizatsii Checheno-Ingushetii po osushchestvleniyu leninskoy natsional'noy politiki v kul'turnom stroitel'stve (1920-1932 gody)* [Activities of the party organizations of Checheno-Ingushetia in the implementation of Lenin's national policy in cultural construction (1920-1932)]. *Iz istorii voploshcheniya Leninskikh idei v Checheno-Ingushetii* [From the history of the embodiment of Lenin's ideas in Chechen-Ingushetia]. Grozny, 1984, pp. 88-97.
13. *Tsentrally gosudarstvennyi arkhiv RSO-A (TsGA RSO-A)* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 1. Inventory 1. Case 53.
14. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 2. Inventory 1. Case 14.
15. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 2. Inventory 1. Case 40.
16. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 2. Inventory 1. Case 41.
17. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 2. Inventory 1. Case 39.